

Алия Амирханова

Тайный агент

Алия Амирханова

Тайный агент

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Амирханова А.

Тайный агент / А. Амирханова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Вербовщик, искусно используя тяжёлые жизненные обстоятельства, в которых оказались шестнадцатилетние подростки, обещая им большие деньги, скрывая от них правду, привлекает ребят в лагерь для подготовки террористов. Инструкторы лагеря, унижая ребят нравственно и подавляя физически, заставляют их подчиняться своим требованиям...Содержит нецензурную брань.

© Амирханова А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Суточное дежурство хирургической бригады больницы №10 областного города Благое подходило к концу. Оставалось сорок минут, и на смену заступят новые врачи. Это радовало. Дежурство было тяжёлым, по очереди успели поспать практически не более часа. Приёмным отделением служила небольшая комната. Выглядела она весьма невзрачно. Линолеум на полу давно потерял былую окраску от постоянного хождения по нему в обуви. Мебелью в комнате служили два стола, покрытые оргстеклом, расшатанные стулья, на которых можно было сидеть лишь с риском для здоровья, пара табуреток, кушетка, раковина для мытья рук после осмотра. Дальше по коридору располагался хирургический блок, но поначалу больные попадали именно в приёмный покой. Тридцатилетний врач-хирург Леонид Александрович, тараща глаза от усталости, сидел за столом приёмного отделения и описывал ход операции, которую он провёл не более часа назад. Кроме него и медсестры в приёмной никого не было. Из остальных врачей бригады – кто спал, кто был на операции.

Двери настежь распахнулись, и два санитары внесли носилки, на которых сидел молодой парень. Ветровка и рубашка у него были расстегнуты, и он, держась за левый бок, корчился от боли и стонал. Его поддерживал пожилой врач скорой помощи. Войдя в кабинет и поздоровавшись, врач «скорой» стал озираться по сторонам, ища дежурного врача и игнорируя Леонида Александровича, ответившего на его приветствие. По всему было видно, что доктора он принял за студента, потому продолжал молчать и озираться по сторонам. Леонид Александрович несколько не удивился. Он действительно в свои тридцать выглядел весьма несолидно, если не сказать, как мальчишка. Среднего роста, худенький, с пухлыми губами и доверчивым взглядом серых глаз, – его все коллеги называли не иначе как Лёня, на что он первое время обижался, а потом привык.

– Что с парнем? – не дождавшись доклада врача «скорой», Лёня сам стал расспрашивать.

– На улице подобрали, какая-то женщина нас вызвала, – врач положил на стол перед Лёней данные словесной жалобы.

– Что с ним?

– Не дал себя осмотреть, жалуется на сильные боли в левом подреберье, говорит, побили. Это я расстегнул рубашку, хотел осмотреть.

Санитары опустили носилки ниже, и медсестра помогла больному перейти на кушетку.

– Мы поехали.

– Да, конечно, – Лёня тяжело вздохнул.

Мысль, что придётся отпахать дежурство минута в минуту, если не больше, будила в душе раздражение. Чертовски не хотелось вставать, хотя сидел он не на диване, а на жёстком табурете, но всё-таки это лучше, чем стоять за операционным столом. Маленькая искорка надежды, что сейчас ввалится Семён, который сегодня должен его сменить, и сам возьмёт новенького, умирала на глазах. Сёмка не приходил на дежурство раньше положенного, а предпочитал опаздывать. Недовольно взглянув на больного, Леонид Александрович всё же встал.

– Мужчина, вы лягте, чтобы я смог осмотреть вас, – он слегка надавил на плечо, побуждая больного лечь.

Лёня склонился над больным и положил правую руку на больное место в надежде пропальпировать. Его взгляд ненароком упал на крестик на груди парня. Он показался ему слишком знакомым.

– Какой у вас красивый и редкий крестик на груди! Очень редкий. У моего отца – такой же.

Мужчина не реагировал на слова. Стоило ему лечь, как он тут же поднялся и принял свою прежнюю позу, наклоняясь на левый бок. Очевидно, ему так было менее больно.

– "Ванька – встань-ка", – произнёс Лёня.

На первый взгляд, казалось бы, врач пошутил, но медсестра не улыбнулась, зная, что эти, вроде бы комичные, слова означали лишь неоспоримый симптом ушиба селезёнки.

– Чувствуете боль в левом плече? – расспрашивая больного, Лёня стал измерять ему давление.

Медсестра, сидевшая за столом, записывала результаты осмотра. По мере их получения голос хирурга становился всё жёстче и решительнее.

– Давление 60 на 40. Бледность, липкий пот. Похоже, начался коллапс. Предположительно: разрыв селезёнки, внутреннее брюшное кровотечение, – он диктовал и одновременно помогал больному пересесть на каталку.

– За мной, – скомандовал он медсестре и, не дожидаясь никого, сам покатил каталку, диктуя на ходу.

– Полюгликин 400 мл внутривенно, мезатон 1% 1 кубик внутривенно, дексаметазон 32 мл внутривенно. Срочно готовьте к операции! Срочно!

Вкатив каталку в предоперационное отделение и оставив больного на попечение операционных медсестёр, он быстрым шагом пошёл мыть руки перед операцией. И вот уже проектора над операционным столом зажглись, инструменты разложены, ассистент – молодой ординатор и операционная медсестра с анестезиологом стояли рядом.

– У нас несколько минут. Начали. Скальпель!

Пара секунд – и нож в руках доктора сильным, умелым нажатием полоснул живот по срединной линии в нескольких сантиметрах ниже пупка. На бледной коже появился багрово-красный глубокий разрез, затем брюшная полость вскрылась, словно ракушка. Как портной отворачивает лацканы пиджака, так и хирург аккуратно, но вместе с тем решительно, развёл мышцы и ткани.

– Чёрт, вся брюшная полость заполнена кровью! Прокладки! – Лёня одну за другой засовывал их в рану, и они тотчас становились насквозь мокрыми. – Мне некогда сушить. Продолжайте отсасывать, – он запустил руку в брюшную полость и пальпаторно стал оценивать повреждение селезёнки. В голове, словно молот, стучала мысль: "Нужно, во что бы то ни стало, как можно быстрее найти ножку селезёнки и пережать её, остановив тем самым кровотечение, иначе – смерть". Его рука торопилась в поиске, осознавая, что счёт идёт даже не на минуты.

– Точно, поперечный разрыв селезёнки. ... Я нашёл ножку. Зажим!

– Кровотечение замедлилось, – ассистент отключил отсос. – Давление пока не нормализовалось.

– Продолжайте вливать кровь и плазму. ... Селезёнка мобилизована. После удаления будем имплантировать. Приготовьте тазик.

Медсестра быстро достала стерильный тазик и налила физиологический раствор, в который Лёня и поместил удалённую селезёнку. Всё остальное уже шло по строго отработанной схеме. Сформировав небольшие тканевые фрагменты, он вшил их в большой сальник и только затем ушил рану.

В общей сложности операция длилась более часа. Когда уставший Лёня пришёл в ординаторскую, Семён во главе новой бригады сидел за столом и завтракал.

– Привет, Лёньчик! Слышал, у вас трудное дежурство было. Садись, чайку попей.

– Здравствуйте, – Лёня кивком поприветствовал коллег. – Устал я, домой пойду. Завтра воскресенье, хоть отосплюсь. У последнего отрыв селезёнки с частичной имплантацией, имейте в виду.

– Хорошо, как знаешь. За больного не переживай.

Глава 2

Домой, после дежурства, в свою съёмную квартиру, Лёня приехал на такси. Сил дожидаться нужной маршрутки не было. Он снимал небольшую однокомнатную квартиру. Весь его быт можно было смело назвать спартанским: ничего лишнего. В зале стоял диван, который на ночь превращался в двуспальную кровать, на стене висела полка с рядом книг по хирургии, пара стульев – и всё. Вместо телевизора был ноутбук. На кухне, помимо маленького холодильника и стола со стульями, из мебели больше ничего не было, но зато чистота стояла идеальная. Переодевшись в домашнюю одежду и помыв руки, Лёня пошёл к дивану, и через каких-то пару минут он уже крепко спал. Ближе к трём часам дня его разбудил звонок в дверь.

– Кого там ещё принесло?.. Иду! – с трудом оторвав голову от подушки, Лёня поднялся и, как был в одних трусах, на ходу цепляя тапочки, направился к входной двери.

Открыв дверь, увидел молодого паренька-курьера.

– Вы Иванов Леонид Александрович?

– Ну я, а что такое?

– Вам телеграмма. Распишитесь, – и паренёк протянул тетрадку и ручку.

Расписался в нужном месте, куда указал курьер, и ему вручили телеграмму.

– До свидания.

– До свидания, – оставшись в некотором недоумении, Лёня закрыл дверь.

Волнуясь в предчувствии чего-то нехорошего, стал читать текст. Как оказалось, телеграмма была из его родной деревни, что в двухстах километрах от города Благое. В ней сообщалось, что скоропостижно скончался отец. Причина смерти не указывалась. Страх и отчаянье вмиг ввергли Лёню в оцепенение, и он так и остался стоять возле двери, покусывая нижнюю губу. Мысли лихорадочно прыгали.

Боже мой! Чего-чего, но подобного я никак не ожидал. Отец не болел, во всяком случае – ничего мне не сообщал, хотя... с отцом мы уже год как не виделись, живя практически рядом. Как же так?..

Стыдливо заныла душа.

Глаза ещё минуту растерянно пялились в текст, и он всё ещё оставался возле входной двери, но затем, почувствовав некоторую дрожь в теле, прошёл к дивану и сел. В душе нарастало отчаянье, сродни паники. Они не виделись год, и этот факт назойливо всплывал в мыслях, терзая душу. Свою маму он не знал, отец рассказывал, что она пошла неправильной дорогой и, скорее всего, уже умерла в какой-нибудь тюрьме. Они с отцом всегда жили вдвоём. Отец больше не женился и всего себя посвятил ему и служению людям, будучи священником в их деревне.

Чёрт, я всегда был одержим медициной! Дежурств понабрал столько, что с отцом встретиться было некогда. Только и делал, что думал о себе. На машину копил.

Лёня сидел на диване и его жизнь, словно кинолента мелькала перед глазами.

Отец регулярно писал мне, не уважал он телефон. Всё время говорил, что не слышит его. Чудак... Много работал, чтобы я жил в благополучии, в достатке. Всего себя отдавал работе.

Наверное, впервые в жизни Лёня признался себе, что, редко видясь с отцом, всё же постоянно чувствовал его присутствие, его любовь, заботу. Тысячи невидимых ниточек связывали его с отцом и крепко держали на земле, не позволяя невзгодам сломить. Он легко поступил в институт, легко учился, ни в чём особо не нуждался. И вот, нити оборвались все разом, отца больше нет. Вдруг навалившееся одиночество повергло в страх. Ему было тридцать лет, но, как оказалось, он совершенно не готов остаться один на этом свете. Ощущая в груди невыносимое отчаянье и боль от невозможности повернуть время вспять, чтобы хоть на минуту

увидеть отца, заглянуть в его глаза, ощутить теплоту пожатия его руки и не в силах больше терпеть эти муки, Лёня встал и быстро оделся. Достав из заначки под матрасом всю наличность, которая у него была, ушёл в ночь.

До областного центра добрался без проблем: на фуре, которая ехала как раз в нужную ему сторону, мало того – доехал бесплатно. Водитель, узнав, что он дипломированный хирург, стал задавать ему вопросы, и гонораром за консультацию явилась как раз бесплатная поездка. Поблагодарив, Лёня вышел в областном центре. Время было уже почти десять вечера. Если по выходу из дома, будучи в некотором волнении, он не почувствовал резкого похолодания, то, стоя на обочине областной дороги в ожидании попутки, ощутил это по полной. Была осень. Точнее – начало ноября, и если утром ещё светило солнце, то к вечеру небо заволокли свинцовые тучи, подул холодный северный ветер, температура воздуха явно приблизилась к нулю. Одет он был в лёгкую демисезонную куртку, на ногах осенние туфли. Торопясь выскочить из квартиры на воздух, ожидая, что на улице душевная боль утихнет, он, ко всему прочему, ещё и забыл надеть шапку. И вот сейчас Лёня стоял на обочине дороги, продуваемой со всех сторон холодным, пронизывающим насквозь ледяным ветром, в своей лёгкой курточке и без шапки, без перчаток. Мало того, пошёл снег. Сорок минут ожидания, но ни одна, пусть даже захудалая, лошадёнка не проехала в сторону их деревни. Единственный фонарь, под которым он стоял, едва освещал местность и, раскачиваемый ветром, жалостно поскрипывал. И помимо холода, Лёню обуревал ещё и страх, что с минуты на минуту нить накаливания в лампочке от столь сильной тряски не выдержит и оборвётся. Мысль оказаться в кромешной тьме на заснеженной дороге совсем не радовала его. Прошло ещё двадцать минут. Никогда ему, деревенскому парню, не приходилось так мёрзнуть. Конечно, ему случалось ещё мальчиком, сопровождая отца в соседние сёла, пару раз оказываться в пути в лютый мороз, да ещё на подводах, но овчинный тулуп да шапка-ушанка спасали от любого холода. Его нынешняя одежонка ни шла ни в какое сравнение с тулупом. Он окоченел до мозга костей и не заметил, как возле него остановился старенький "Уазик". Переднее окошко приоткрылось, и мужчина крикнул.

– Слышь, ты, камикадзе, садись! Не порти мне статистику погибших от несчастных случаев!

Лёня не понял, что сказал мужчина, ему было всё равно, но увидев остановившуюся машину, не имея сил даже обрадоваться, он медленно стал открывать дверцу. Окоченевшие пальцы никак не могли схватиться за ручку. Мужчина, похоже, догадался, что парень сильно замёрз, потому поспешно вышел из машины и открыл дверцу. Кое-как, забравшись на сиденье, Лёня замер, не в силах даже поблагодарить.

– На-ка, выпей! – мужчина протянул ему крышку от термоса, наполненную горячим кофе.

Не дожидаясь, когда кофе остынет, Лёня стал пить кипяток. Лишь возвращая крышку, поблагодарил.

– Да не за что! Ты куда направляешься-то?

– В... де... ревню Вяземская.

– А чего в такую погоду, да ещё ночью?

– На похороны.

– Да ты что?! Я участковый из вашей деревни – Константин Петрович. Так у нас, по моему, только батюшка Александр скончался.

– Батюшка, мой отец.

– Вот дела!.. Ты меня, браток, извини, я в этих краях новенький, не признал тебя... Хорошим человеком был твой батюшка, очень мы все его любили. Как у преступника рука поднялась на него, – все удивляются.

– А что, разве отец не от болезни умер?

– Выходит, тебе не сообщили... Его убил один пришлый парень. На ночлег в церковь попросился, твой отец, понятное дело, пустил... Доверчивый батюшка был, людям верил. Кто на ночлег попросится, того и пускал. Никому не отказывал. Правда, на чужака церковь не оставлял, вместе с гостем ночевал: накормит, исповедует. В тот роковой день у него тоже кто-то в церкви ночевал. Отец Виктор утром батюшку обнаружил, – гостя, понятно дело, уже не было. Сделал своё чёрное дело – сбежал, ещё и церковные деньги с собой прихватил. Прими мои соболезнования.

Лёня ничего не ответил, его душили слёзы.

Глава 3

Родительский домик был таким же, как год назад. Когда-то толстый, пятистенный дубовый сруб с годами ужался, стал меньше в размерах, но всё равно смотрелся солидно; такой весь подтянутый, аккуратный, с белыми занавесочками на окнах. Та же узенькая дорожка из плитки вела к крыльцу, правда, сейчас она была припорошена снегом, и цветов по краям тоже не было. Близилась зима. Встречать Лёню на крыльцо вышел отец Виктор, друг отца и тоже священник в их же церкви. Они сердечно обнялись. Раздевшись в прихожей, прошли в общую комнату.

– Отец там, – священник указал на шторку, которая отделяла небольшую часть комнаты.

Отодвинув рукой занавеску, Лёня вошёл в маленькое помещение, где посредине на табуретках стоял гроб. Отцу было шестьдесят пять лет. Совсем ещё не старый! Он стоял у гроба и смотрел на лицо отца, и как будто видел его впервые. Может, так оно и было. Они никогда ранее не сидели напротив друг друга, не вели душевных бесед, не спорили. Всё было как-то отстранённо, быстрое общение на уровне: "Как дела? Нормально» А сейчас он стоит, и его сердце разрывается от боли, что единственного родного человека, который у него был на этом свете, он не разглядел, не понял, не наговорился с ним. Как такое могло случиться? Он стоял и не знал ответа. Слёзы лились из его глаз, но он не замечал их. Болью сжималась грудь от мысли, что в то время, когда он спасал больного от смерти, его собственный отец умирал, и никого не было рядом, кто бы помог.

Какая чудовищная несправедливость! Прости меня, папа! Прости! За чёрствость прости, за невнимание. Мы ведь с тобой были единственно родными на этом свете. Кроме тебя у меня никого нет. А теперь и ты оставил меня. Я теперь, папа, круглый сирота. Прости меня, папа. Прости...

Лёня простоял у гроба больше часа, пока отец Виктор не увёл его. Усадив за стол, священник заметил, что Лёня буквально горит: у него поднялась высокая температура, начался сильный озноб, его всего трясло. Напоив Лёню специальным лечебным чаем с малиновым вареньем, отец Виктор уложил его в кровать. Лёня пролежал в бреду с высокой температурой почти двое суток. На третий день, как раз в день похорон, ему стало лучше.

Похоронить отца пришли не только свои односельчане, но и жители соседних сёл. Лёня был потрясён, насколько отец пользовался уважением среди прихожан, и как сильно его любили. Буквально каждый, прощаясь с отцом, благодарил его за добро, сделанное именно ему. Лёня понял: отец принадлежал всем, а не ему одному.

Он не уехал сразу же после похорон. К вечеру опять поднялась высокая температура и болезнь продолжилась. Позвонив на работу, Лёня взял отгулы.

Шли восьмые сутки, как Лёня был в деревне. Чувствовал он себя уже хорошо. Вечером, перед отъездом, они сидели с отцом Виктором на кухне: ужинали и разговаривали. Конечно же, говорили об отце.

– Твой отец, Лёня, очень любил людей, верил в них. Ты заметил, с каким выражением на лице он умер?

– Спокойное лицо, я бы даже сказал умиротворённое.

– Именно, сын мой. Умиротворённое. Он простил своего убийцу. ... Чуть было не забыл, – и священник, достав из кармана рясы фотографию, положил её перед Лёней.

Фотография была сделана давно, небольшая в размерах, она достаточно хорошо сохранилась. Чувствовалось, что её владелец берёт снимок, а это означало, что те, кто был изображён на фото, дороги ему.

На снимке Лёня сразу же узнал отца. Сидящая рядом с ним женщина с ребёнком на руках – скорее всего его мать и он сам. Лёне здесь было года четыре, не более.

Вот, значит, как выглядела мама.

Лёня неотрывно смотрел на изображение женщины на снимке. Он впервые видел свою мать, фотографий её в доме не было. Старый снимок его с родителями разбередил ему душу, наверное, потому, что он остался без отца, и женщина на фотографии – единственное родное существо, которая, возможно, жива и ищет его, а значит, он не один. От этой мысли в груди его заметно потеплело.

– Это ты с родителями, – отец Виктор прервал мысли Лёни. – Эту фотографию твой отец всегда при себе носил. Любил он твою мать, да и тебя, конечно же. ...Мечта у него была: монастырь при нашей церквушке создать. Жалел он заблудших, всё время повторял: "Куда им бедным поддаться?". К нам в церковь за пару дней до смерти твоего отца парнишка забрёл. Худенький, невысокого роста, а от чего ему здороветь? Отца нет, мать беспробудно пьёт. Его отчим выгнал. Парнишка тот слёзно умолял разрешить при церкви остаться, на какую-нибудь работу просил принять. Твой отец, понятное дело, не смог отказать. Слух у парня оказался отменный, а нам как раз и псаломщик, и пономарь требовались. В общем, остался он у нас. С твоим батюшкой подружился, не отходил от него. Тот его и крестил, и стал обучать церковному песнопению. Сашей парня звали, тезка твоему отцу. В церкви он и жил. Я к чему это рассказываю? Недолго парень у нас пробыл. Дня три, не более. Как батюшку убили, так и пропал. Даже паспорт свой не прихватил, у нас и оставил. Он сам твоему отцу его на хранение дал... Куда он без документов? Я вот всё думаю: не мог тот преступник его, как свидетеля, тоже убить?

– Не знаю, отец Виктор. Вообще-то в фильмах показывают, что убийцы свидетелей не оставляют.

– Жаль парнишку. Он на седьмом небе был от счастья, что к нам попал. Настроился бедный, и батюшка его полюбил. Хорошая была мысль у твоего отца насчёт монастыря. Много в наших краях и страждущих, и заблудших. Они бы смогли в монастыре через Бога к согласию в душе прийти. Жаль, некому дело продолжить. Я уже стар. ...Ирод проклятый, этот преступник, такого человека погубил! Ну, я думаю, Бог с него строго за этот поступок спросит. Он ведь, окаянный, не побоялся нательный крестик с батюшки твоего сорвать. Чтoб у него руки отсохли!

– Отец Виктор, что вы говорите? – голос у Лёни дрожал от посетившей его мысли. – Крестик с шеи отца... убийца украл?

– Да, сынок, ничего нынче люди не боятся, хотя, может быть, твой отец его тому парнишке, Сашке то есть, сам отдал, когда крестил. Если так, то хорошо бы.

Лёня уже не слышал, что говорил священник, все его мысли были о другом.

– Боже мой!.. Отец Виктор, я знаю, кто отца убил.

– Откуда?!

– Я на днях операцию делал одному молодому человеку, – Лёня нервничал и повторялся. – Так вот, меня ещё тогда, когда я его в первый раз увидел, привлёк его нательный крестик. Точь-в-точь как у отца.

– Этого не может быть! Батюшке, да и тебе, крест сделал один умелец в знак благодарности. На крестике твоего отца посредине – рубин. Он единственный в своём роде.

– Вот, и я потому на крестик внимание обратил, что точь-в-точь как у отца. И камень рубин посредине. Всё совпадает. Отец Виктор, что делать? Я пойду в полицию, – Лёня весь побагровел от злости и решительно встал.

– Постой, парень, не гони лошадей. Ночь на дворе, – отец Виктор сурово одёрнул Лёню, который уже успел надеть куртку.

– Я такси вызову.

– Город тебе, что ли, такси он вызовет?! Постой, говорю, – тон, которым были сказаны эти слова, не терпел возражений.

Взяв себя в руки, Лёня снял куртку и вновь сел за стол.

– Так-то оно лучше. Раз ты недавно операцию сделал, значит, он в больнице и никуда не делся. Нельзя, парень, в ярости решение принимать. А что с парнем-то случилось, ну, которому ты операцию-то делал?

– Побили его. Отрыв селезёнки. Но то, что вовремя в больницу доставили – это что-то невероятное. Его на улице подобрали. Привезли бы на несколько минут позже, он бы умер от потери крови. Бог помог, но за что, отец Виктор? Почему он моему отцу не помог, а преступника спас? Почему? – Лёня не мог сидеть от волнения. Он снова разнервничался и стал ходить по комнате, твердя:

– Собственными руками спас человека, который убил моего отца! Отец Виктор, почему такая несправедливость?

– Не знаю... Может потому, что твой батюшка его простил.

– Извини, отец Виктор, но я его не прощу, – Лёня убрал фотографию во внутренний карман куртки, затем достал телефон и, пройдя в сени, позвонил к себе в больницу.

Дежурил как раз Сёма.

– Привет, старина. Я из деревни звоню, отца похоронил. ...Спасибо за соболезнование. Семён, у меня к тебе просьба. Раз ты на дежурстве, поднимись, пожалуйста, в отделение, узнай, как там, тот парень, у которого отрыв селезёнки ... Меня не интересует, как его здоровье, плевать я хотел на него. Представляешь, этот урод, сволочь..., убил моего отца. Что я, врать буду?! У него на шее крестик отца. Какие ещё нужны доказательства? Он, гад, совершив преступление, ещё не побоялся и крестик с шеи сорвать. Ублюдок!...Я крестик собственными глазами видел. Задушу гада, только дай добраться, – Лёня подробно рассказал другу о случившемся. Разговаривали минут двадцать, пока Сёму не позвали на операцию.

Убрав телефон, Лёня вернулся на кухню, где сидел отец Виктор.

– Поговорил?

– Да. Попросил не выписывать его до моего возвращения. Ему сегодня швы сняли. Господи, за что ж такое наказание? Опоздай я со звонком, его бы выписали.

– Я тебе вот что, парень, скажу. Ты горячку не пори. Кулаками махать – ума не надо. Полиция сама во всём разберётся.

Лёня едва дождался утра, и первое, что он сделал, это пошёл к деревенскому участковому и всё ему рассказал. Тот незамедлительно позвонил в город Благое, и к моменту прибытия Лёни в город больной был взят под стражу. Желание отомстить затмевало разум. Лёня не мог работать и, отпросившись, он поехал в отделение полиции.

Спросив у дежурного, к кому направили парня из больницы, и получив ответ, Лёня быстрым шагом пошёл к указанной двери. Ему не терпелось посмотреть в глаза убийце отца, собственноручно придушить его или хотя бы попытаться это сделать. Постучав и получив разрешение войти, Лёня решительно открыл дверь кабинета.

Подполковник, хозяин кабинета, был не один: похоже, он вёл допрос. Напротив него, в нескольких шагах от стола, понуро опустив голову, сидел какой-то парень. Чуть в сторонке сидел ещё один полицейский.

– Вы Иванов Леонид Александрович? – подполковник обратился к Лёне.

– Да.

Поздоровавшись с присутствующими, Лёня хотел было уже пройти и сесть на свободный стул, но тут допрашиваемый поднял на него глаза. Узнав в нём больного, Лёня, не сдерживаясь, бросился на парня.

– Урод! Убью, гад! – в ярости он бил парня куда придётся.

Паренёк лишь испуганно прикрывался руками. Вскочивший со своего места полицейский оттащил разъярённого Лёню. Изрыгая проклятия, Лёня ещё некоторое время пытался вырваться из его рук, но лишь когда подполковник сурово прикрикнул на него, он, одёрнув

куртку и пригладив рукой растрепавшиеся волосы, сел на свободный стул, бросая время от времени испепеляющие взгляды на парня.

– Вы делали операцию подозреваемому?

– Да.

– Привезли какую-нибудь вещь отца, чтобы бы мы могли сличить отпечатки пальцев на крестике? – строго спросил подполковник.

– Да, конечно. Возьмите, – и Лёня передал второму полицейскому записную книжку отца.

– Хорошо, мы всё проверим.

Поняв, что Лёня – сын убитого, парень встрепенулся, с надеждой посмотрел на него и быстро стал говорить.

– Товарищ доктор! Этот крестик мне ваш отец лично дал. Честное слово, я хоть кем могу поклясться, честное слово, поверьте мне. Если хотите, я вам его верну, – парень сделал попытку снять крест.

– Прекрати ныть! Все вы, когда попадаете к нам, такими паиньками становитесь! Невинный агнец нашёлся!

Подполковник зло посмотрел на подозреваемого, и тот весь сжался: то ли от страха, то ли от безысходности.

– В каком состоянии он поступил к вам? – начальник вновь стал расспрашивать Лёню.

– Его привезли на «скорой». Подобрали прямо на улице, какая-то сердобольная женщина вызвала «скорую». Состояние было тяжёлое, понадобилась экстренная операция, в ходе которой было остановлено кровотечение, и была удалена селезёнка. Если бы его доставили к нам чуточку позже, он бы скончался от потери крови.

– Как вы думаете, что явилось причиной такого состояния больного?

– Либо он упал с большой высоты, либо его ударили.

– Сам-то он утверждает, что его побиили.

– Я хотел на еду заработать, – парень снова влез в разговор. – Стал играть на губной гармошке возле магазина. Людям нравилось, деньги бросали. Тут какие-то двое выскочили из перехода, все деньги забрали и ...бить начали. Одна женщина заступилась, всё кричала, что полицию вызовет, ну они и разбежались.

– Тебя спрашивали, в разговор встречаешь! – подполковник одёрнул подозреваемого. – Гармошка-то где?

– Вот, – парень достал из кармана небольшую губную гармошку. – Мне она от деда досталась. Мать говорила, он на любом инструменте играть мог.

– А как ты в церковь попал?

– Моя деревня – Сосенки, в тридцати километрах от Вяземской будет, – парень замолчал.

– Ну и что? Чего замолчал?

– Ушёл я из дома. Я с матерью жил. У неё новый хахаль объявился, он меня и выгнал.

– И что же, у вас в деревне нет управы на такого вот ...хахалья?

– Да я сам рад, что ушёл. Устал я. Пьют они.

– А ты, значит, такой беленький и пушистенький?

Парень ничего не ответил. Лёня сидел и слушал весь разговор. Былая злость на парня постепенно улетучивалась. Перед ним сидел худенький, невысокий парнишка, вдобавок, как оказалось, с изломанной, несчастной судьбой, с глазами полными страха. Он совсем не был похож на убийцу

– Дальше-то что?

– Пришёл я в Вяземскую, податься некуда, ну, слышал, что у них батюшка шибко добрый, на ночлег пускает, кормит. Ну, я и пошёл.

– Дальше.

– Мы с ним всю ночь проговорили. Он мне предложил остаться в церкви, псаломщиком служить. Я шибко обрадовался. Потом, уже на следующий день, батюшка меня крестил. Он свой крестик с шеи снял и мне повесил. Сказал, что этот крестик – особый и принесёт мне счастье.

– И что, ты служил псаломщиком?

– Не успел. Я только два дня в церкви пожил. Однажды ночью мужик какой-то пришёл. Я ушёл спать. Они с батюшкой остались... а когда я утром встал, смотрю: батюшка на полу лежит. Я быстрее к нему, думал, что он упал, а он... не отвечает. Я только потом нож заметил. ... Испугался и убежал.

– Дальше что было?

– Ничего. Пошёл куда глаза глядят. По дороге попутка остановилась, меня до города подвезла... Дальше вы знаете.

– Какая попутка?

– Фура.

– Ой, врешь парень! Того, кто к священнику пришёл, видел?

– Видел, но особо не разглядывал. Ей Богу, не вру! – и он перекрестился несколько раз.

– А что в армию не забрали?

– Сказали, что не пригоден. У меня сердце больное.

– Документы где?

– Паспорт, так он в церкви остался.

– Всё, свободен пока. Отведи его, Влад, – начальник обратился к присутствующему сотруднику.

Парень горестно посмотрел на Лёню, но ничего не сказал. В груди у Лёни неприятно засвербело, вспомнился рассказ отца Виктора о пареньке, принятом отцом в церковь, и который чуть ли не дословно передал допрашиваемый. Страх, что по его вине могут посадить не виновного, незаметно вполз в душу. Лёня ещё минуту колебался, но, услышав слова подполковника, обращённые к нему: "Вы тоже свободны", – решительно произнёс.

– Извините, как вас по имени отчеству?

– Сергей Борисович.

– Товарищ подполковник, мне кажется, парень говорит правду. Я вспомнил, мне священник, который служил с отцом, рассказывал, что они одного паренька псаломщиком приняли. Всё, что этот парень сейчас рассказывал, то же самое мне и тот священник поведал. Честное слово! Один в один! И его паспорт действительно в церкви. Не врёт он... Отпустите парня.

– Что вы меня уговариваете, Леонид Александрович? Сами только что кулаками размахивали, грозились убить.

– Простите, погорячился. Ошибся я.

– Думаете, мне хочется посадить его? Ошибаетесь. Мне хочется найти доказательства его невиновности. Очень хочется, потому что я тоже верю парню. И потом, цепочку не срывали с шеи, что обычно делают при воровстве. Застёжка цела, значит, её расстегнули. Но кто расстегнул – вопрос. Завтра фоторобот составим и будем думать, что с парнем делать.

– Товарищ подполковник, отпустите!

– Ну, что вы заладили?! Разве не хотите найти убийцу вашего отца?

– Хочу, но это точно не он. Сами видите, какой он. Маленький, худенький и потом – глаза...

– Что глаза? Хитрые и скользкие. Прямо не смотрит. Документов нет, может, он и есть убийца.

– Документы я вам привезу. Они в церкви остались. Мне тот священник говорил, паспорт у него... Товарищ начальник, ну, отпустите, пожалуйста! Под мою ответственность. Ведь это я на него пожаловался, так бы он гулял себе на свободе. И потом, парень после серьёзной

операции: ему нельзя простывать, диета какая-никакая нужна. Жалко парня, столько настрадался. Я его в больницу к нам положу, если что, на допрос мы приедем.

– Уговорил, Леонид Александрович. Если что – пеняйте на себя, – начальник вышел и, пройдя вместе с Лёней к дежурному, велел тому отпустить парня, взяв с него подписку о невыезде. На прощание подполковник сказал парню:

– Его благодари, – он указал на доктора. – Он за тебя поручился, чуть ли не на коленях умолял тебя отпустить.

Лёня был на седьмом небе от счастья. Ему даже почудилось, что отец с небес с одобрением посмотрел на него. Вместе с Сашей, так звали больного, они вышли на улицу.

Глава 4

– Рана болит? Я тебя в больницу отвезу, тебе надо ещё полежать. ... Может, такси возьмём? – проявляя заботу, Лёня пытался как-то повиниться за своё поведение в полиции.

– Можно и на автобусе, чего деньги тратить, – парень проигнорировал вопрос о швах.

– Ну, как знаешь, остановка, в принципе, рядом.

Они пошли по тротуару. Дул холодный ветер, чувствовалось, что скоро должен пойти снег. Подняв воротники и втянув головы в плечи, молча шли к остановке.

Увидев впереди кафе, Лёня обрадовался. Он с утра ничего не ел, и ещё ему хотелось угостить парня, искупить, так сказать, свою горячность.

– Смотри, кафе: зайдём, перекусим? Я просто умираю с голоду!

– Можно.

Был обеденный перерыв, и народу в кафе было много. Работало три кассы. Увидев в конце зала свободный столик, Лёня отправил Сашу сесть, а сам пошёл к кассам. Рассматривая ассортимент на витрине, Лёня на некоторое время отвлёкся, и каково же было его удивление, когда через пару минут повернувшись, он уже не увидел Сашу. Всё было так неожиданно, что Лёня не сразу сообразил, что парень ушёл. Он даже ещё несколько секунд постоял в очереди, и только потом выскочил из кафе. Рядом проходили люди, но Саши нигде не было. Лёня вернулся в кафе и там всех хорошенько рассмотрел, сходил даже в туалет, но Саша как в землю провалился. Не зная, что делать, Лёня вышел из кафе и сел на скамейку. Он не верил в произошедшее, ему казалось, что Саша одумается и обязательно вернётся. Просидев возле кафе больше часа в ожидании Саши, Лёня пошёл к остановке, чтобы поехать к себе на квартиру.

Подполковник Сергей Борисович Герасимов после ухода Лёни с подозреваемым из отделения сразу же позвонил одному из своих сотрудников:

– Анатолий, встретиться надо. Давай через пару часов у меня дома. Сможешь?.. Лады, тогда жду.

В назначенное время подполковнику позвонили в дверь.

– Иду! Иду! – крикнул Сергей Борисович, направляясь к двери.

– Проходи, Толя. Давай напрямиком на кухню. Я тут картошки нажарил, некогда было обедать. Будешь?

– Не откажусь, – помыв руки, Анатолий прошёл на кухню.

Подполковник уже многие годы жил один. На женщин ему не хватало времени, ибо главным для него была работа. Он совсем махнул на себя рукой, хотя ему было всего пятьдесят лет, и он был красивым мужчиной.

– Ты, ешь, ешь, – хозяин поставил перед гостем тарелку. Сам сел на стул напротив.

– Я почему тебя домой пригласил? Надо, чтобы всё было в строжайшем секрете. Ты, наверное, помнишь, что о деле знают только три человека: ты, я и агент 007.

Анатолий, жуя картошку, пытался скрыть ухмылку после слов шефа, но ему это не удалось.

– Смейся, смейся! Как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Что не сделаешь, чтобы удача нам сопутствовала ... А если серьёзно, то у меня новость. Артист объявился.

– Да ну?! Что, пришёл и отметился?

– Не поверишь! Именно так и было. Он в одно дело вляпался, – подполковник на секунду прервался, пережёвывая пищу. ... – Убил священника прямо в церкви, все улики против него. Попал к нам чисто случайно. Я, как его увидел в коридоре, – он к нам из больницы был доставлен, – аж ахнул! Понятное дело, к себе забрал.

– А чего он в больнице делал?

– Травму получил, отрыв селезёнки, еле спасли. Ну, ладно, на мелочи отвлекаться не будем. Я, когда допрос проводил, все думал, как ему побег организовать, а тут случай подвернулся. Сын убитого, который на Артиста и показал, от своих претензий вдруг отказался. Представляешь? Конечно же, не вдруг. Артист так великолепно из себя невинного изобразил, что даже я чуть было не поверил. Короче, отпустил я Артиста на волю под натиском жалобщика, тот Артисту уж точно поверил. Пусть он меня простит, но я ради дела не стал ему раскрывать глаза на то, кто на самом деле перед ним... Скорее всего, Артист и убил его отца. Ничего, куда он от меня не денется: дело закончим, я с него за это убийство взыщу, но сейчас Артист нам на свободе нужен. Они вместе ушли, – подполковник вновь прервался, допивая чай.

– Наверняка, Артист сразу же, как вышел от нас, сбежал и сейчас уже своими делами занимается. Непонятно одно: как мог Артист в такое рискованное дело вляпаться? Я имею в виду – убийство. Он умён, хитёр, зачем ему себя подставлять?

– Может, самооборона?

– От кого, от старого священника? И потом, чего он в церкви забыл? ... Ладно, с этим мы позже разберёмся. А сейчас нам на руку, что всё так удачно вышло, комар носа не подточит. Главное – Артист на свободе. Твоя задача, Толя: сегодня же связаться с нашим агентом и предупредить его об Артисте. Кстати, как он?

– Нормально. Уже год, как внедрён. Пока всё идет по плану.

– Дай-то Бог! Операция "Террорист", будем считать, началась. Никаких обсуждений по телефону, только личная встреча. Как только ты предупредишь его и передашь ему жучок, больше с ним не встречаешься. Ясно?

– Хорошо.

– Не надоедай ему. Он давно обо всём проинструктирован. От того, насколько всё будет проходить в строжайшем секрете, зависит напрямую успех дела. Мы столько к нему готовились, нельзя испортить! Всё, Толя, пока. Извини, мне надо бежать.

Они по очереди вышли из дома, и каждый отправился по своим делам.

Глава 5

Расстроенный тем, что Саша так некрасиво исчез, Лёня на работу не пошёл, а вернулся к себе на квартиру. Все произошедшее не выходило у него из головы. Готовя себе ужин, он думал о Саше.

Скорее всего – испугался, не поверил мне. Ещё бы, я с таким бешенством на него накинулся!.. Наверное, подумал, что я в больнице его отравлю или ещё что сделаю. Точно, так и подумал. Он же не знает, что я к нему теперь по-другому отношусь. Может, в деревню поехал, за паспортом? Поехать обязательно должен, без документов же никак. Денег у него нет, похоже. На попутках как-нибудь доберётся. Надо отцу Виктору позвонить, предупредить про Сашу, пусть опять в церковь возьмёт на службу.

Настроение у Лёни значительно улучшилось. Пожарив картошку, он сел ужинать. До отца Виктора он дозвонился лишь ближе к вечеру.

– Отец Виктор, обрадовать вас хочу: нашёлся ваш пономарь или псаломщик, – уж не знаю, как вы его там называли. ...Это как раз тот парень, которому я операцию сделал... Как узнал? Так он сам всё в полиции и рассказал. Начальник его отпустил. Я тоже там был, мы вместе с ним ушли. Я хотел его в больницу положить, чтобы до конца долечить, но он по дороге сбежал. ...Отец Виктор, сбежал, говорю, он... Испугался, наверное, полиции. Может, он к вам придёт за паспортом. Вы уж его опять на службу примите..., жалко парнишку!.... На поминки? Через пять дней? Конечно, приеду. Ждите. До свидания.

Закончив разговаривать, Лёня, успокоенный, открыл ноутбук, чтобы немного почитать....

Через пять дней, Лёня, как и обещал отцу Виктору, поехал в деревню на поминки. В восемь часов вечера он уже был дома, в деревне. Как и в прошлый раз, отец Виктор вышел на крыльцо встретить его.

– Здравствуй, Лёня, как добрался? Смотрю, ты в этот раз одет по сезону, – священник сердечно обнял молодого человека.

– Здравствуйте, отец Виктор. Нормально добрался.

– Проходи, что мы у порога топчемся? Я, как видишь, обосновался в твоём доме. Ты проходи, проходи, – священник первым прошёл в комнату. – Нельзя сорок дней дом пустым оставлять. Душа покойного придёт и опечалится, если дома никого не будет. Подумает, что его не помнят.

– Ну, что вы, отец Виктор, я рад, что вы тут!

– Ну, вот и хорошо. Проходи к столу. Местные женщины нанесли всякого угощения.

Надо сказать, что весь дом состоял из одной большой комнаты, все остальные комнатки, такие как кухня, спальня, отделялись друг от друга занавесками или дощатыми перегородками. Вода была и в кране на кухне, и в маленьком закуточке, отделённом от прихожей деревянной перегородкой, за которой стояла раковина, и над нею висело зеркало. Грелась вода от газового котла. Помыв руки, Лёня прошёл на кухню. Небольшая кухня вмещала лишь стол с табуретками, газовую плиту и холодильник. На столе кипел самовар, и дымилась тарелка с только что сваренными пельменями.

– Какие пельмени вкусные, и сметана свежая! – Лёня ел с удовольствием.

– Всё натуральное и деревенское, тут химии нет. Ешь, сынок, сколько душе угодно.

– Отец Виктор, Саша не объявлялся?

– Нет, Лёня, не приходил.

– Как же он без паспорта?

– Хорошо, ты о паспорте заговорил. С собой, Лёня, ты его заведи, а то, не ровен час, потеряется, – священник тяжело поднялся и прошёл к ящичку, висевшему тут же на кухне – на стене.

Лёня посмотрел в сторону ящичка, который хорошо знал. Обычно там отец хранил лекарства. На одной из полок чередой тянулись пузырьки, всевозможные коробочки, шприцы и другие медикаменты. На второй полке – упаковки со всевозможными лечебными сборами трав, среди этих коробочек лежал и паспорт. Взяв в руки удостоверение личности, священник вновь вернулся за стол.

– Держи, Лёня, – отец Виктор, помимо паспорта, положил на стол еще и какие-то буклеты.

– Давайте. Посмотрим, где наш пропавший проживает. Вы, отец Виктор, в паспорт заглядывали?

– Я – нет. Мне кажется, и твой батюшка тоже. Неудобно нам было. Получается, что человеку мы не доверяем.

– Доверяй, но проверяй. Фотография какая-то странная, совсем на него не похожа, – Лёня аж вспотел от волнения.

Спутать было нельзя, у человека с фотографии на правом веке было достаточно большое родимое пятно.

– Отец Виктор, гляньте, этот парень у вас работал?

Священник, надев очки, которые у него висели на резинке, на шее, взял паспорт из рук Лёни.

– Он, точно он, а что тебя смущает?

– У парня родимое пятно на веке было?

– Да, – отец Виктор положил паспорт на край стола, – Лёня, ты даже побледнел! Что случилось-то?

– Я упросил подполковника полиции отпустить другого человека, возможно – реального убийцу моего отца, – растерянно произнёс Лёня.

– Да ты что?! Почему ты так решил?

– Тот парень, которого я оперировал, и у которого крестик отца, совсем не похож на этого, – Лёня ткнул пальцем в фотографию. – Но он ведь точь-в-точь рассказал то, что и вы мне рассказывали про паренька, которого отец принял на работу: как он пришёл к вам, что говорил, кем вы его приняли на работу, что отец крестил его. Он мне даже крестик хотел вернуть, но я не взял, подумал: раз отец сам ему дал, значит теперь он его.

– Чёрт! Смотрите, фотография на паспорте отклеилась, а под ней совсем другая. Вот новость. ... Час от часу не легче! Отец Виктор, а вот этого парня знаете? – Лёня протянул священнику паспорт с новой фотографией.

– Нет, ... точно нет. Что в мире творится?! – отец Виктор возвратил паспорт, – Лёня, сынок, выходит, – они сообщники, тот парнишка преступнику всё и рассказал... А вдруг преступник его потом и убил, а крестик забрал, и себя за него стал выдавать.

– Скорее всего, так оно и было. Отец Виктор, что делать?

– В полицию надо сообщить. Что же такое делается на свете?! – отец Виктор сокрушённо покачал головой.

– А что я им скажу? Позор... Вёл себя в полиции, как мальчишка. Винить некого. Сам уговорил отпустить. Мне тогда подполковник так и сказал: в случае чего, пеняйте на себя. ... Парень по паспорту из деревни Сосенки. Адрес есть. Что интересно, тот парень, которого я оперировал, про паспорт знал. Возможно, они даже и подельники....

Лёня решительно сказал:

– Я сам в деревню Сосенки съезжу. Распрошу участкового, покажу и паспорт, и эту фотографию, которая отклеилась. Сам виноват – мне и расхлёбывать. А это что за буклеты?

– Даже не знаю, откуда они взялись. В церкви на полу подобрал, когда батюшку твоего убили. Может, преступник обронил.

Лёня взял в руки буклеты и стал рассматривать.

– Это реклама ПТУ, что в городе Лесной. Этот город недалеко от Сосенок. Вы знаете что-нибудь про это училище?

– Нет, впервые слышу. Пойду я, сынок, время позднее. Ты не возражаешь, что я пока у тебя и живу, и сплю?

– Ну что вы говорите, отец Виктор! Я только рад. Отдыхайте.

В эту ночь Лёня не сомкнул глаз, хотя был уставшим. Он лежал на кровати с открытыми глазами и в который раз мысленно прокручивал и допрос у подполковника, и поведение того паренька, пытаюсь понять смысл произошедшего.

Зачем надо было убивать отца, кому он мог помешать? И кто вообще эти два паренька, и что им нужно было в церкви?

Ещё ему было стыдно за свою наивность, которая так ужасно и позорно подставила его в кабинете подполковника. Лёня безжалостно винил себя в произошедшем.

Какого чёрта влез, кто тебя просил? Ты что, спец в сыске? Чего полез советовать? Отпустите, товарищ подполковник!

На лице Лёне отразилось, такое же просящее выражение лица, которое было в кабинете у подполковника.

Тьфу ты, позор! Слюнтяй! Жалко ему, видите ли, стало! Что теперь скажешь? Помог сбежать бандюге, который теперь, как анекдот, рассказывает этот случай своим подельникам. И они вместе ржут.

Самолюбие Лёни было задето, никогда ещё за все свои тридцать лет ему не было так стыдно за себя, как сегодня.

На следующий день Лёня с утра пораньше поехал в деревню Сосенки. Кабинет участкового находился в одном здании с сельсоветом. Постучав, Лёня приоткрыл дверь.

Его взору предстала небольшая комната. Из мебели: стол и книжный шкаф, наполненный всякого рода папками.

Участковый оказался на месте.

– Здравствуйте, можно войти?

– Здравствуйте. Проходите, садитесь, – участковый с интересом посмотрел на Лёню.

– Я из деревни Вяземская, сын убитого священника.

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо. У меня к вам просьба. Вы же своих местных всех знаете. Вот, посмотрите, эти люди знакомы вам? – Лёня протянул паспорт и фотографию. – Я ищу убийцу отца.

Участковый стал внимательно рассматривать фотографию.

– Парня с родимым пятном я не знаю. Что не из нашей деревни – точно. А вот парня, который в паспорте, я знаю хорошо. Точнее – его мать. Сейчас она на грани сумасшествия... Саша – её поздний ребёнок. ... Она, как это говорится, вымолила его у Бога. Знаете, когда долго нет детей... Хороший был мальчишка, помню его. Исполнилось шестнадцать – поехал учиться в ПТУ. Тут недалеко от нас город Лесной. Поначалу вроде всё хорошо было. Ну, как хорошо... Мать говорила, что повзрослел, возмужал, ... а потом пропал. Ну, мы – в розыск, а мать – к гадалкам. Всё напрасно, как в воду канул! Хотела она руки на себя наложить, а тут одна из нашего села ей говорит, что будто бы видела Сашу на базаре в Благое. Он вроде как попрошайничал, был без одной ноги. Мать с отцом, понятное дело, туда. И действительно, привезли Сашу. Совсем другой он стал, очень изменился. Всего боится, где ногу потерял – не говорит. Несколько раз даже пытался покончить жизнь самоубийством. Пришлось от греха подальше поместить его в психбольницу. Тут недалеко, километров двенадцать будет.

– Что случилось с Сашей, так и не узнали?

– Нет. Молчит. Врачи тоже пытались узнать, – молчит. А вы почему интересуетесь?

– Чувствую я, что здесь какая-то тайна. Смотрите, что получается. Буклеты ПТУ, где Саша как раз учился, в нашей церкви появились. Как, спрашивается, они к нам попали? Идём дальше. Парень с родимым пятном, которого вы не знаете, по Сашиному паспорту устраивается в нашу церковь на работу. Потом сбегает. Возможно, поделщик убийцы отца. Как к нему попал Сашин паспорт? Ответ один: он с Сашей учился вместе в ПТУ, вполне там могли вместе учиться, почему нет?.. А теперь самое интересное. Либо паспорт у Саши этот парнишка украл, либо тот его сам ему отдал. А где собственный паспорт парня с родимым пятном, зачем ему чужой? От кого он прячется? Сплошные загадки. Но самое главное, что ноги этих загадок из ПТУ растут. ...Вот такие дела! Как бы мне увидеться с Сашей? Спросить бы, кому он свой паспорт отдал.

– Увидеться-то можно. Но он только с матерью общается. Запуган он сильно. На контакт с чужими не идет.

– Жаль, – Лёня расстроился. – И парня тоже жаль. Совсем ещё ребёнок. Ладно, спасибо вам. Не буду вас больше задерживать.

Глава 6

Когда-то здание ПТУ, что на окраине города Лесное, и лагерь, что в нескольких километрах от него, были закрытой школой десантников. В здании велась теоретическая подготовка, в лагере – практическая. Лагерь, окружённый со всех сторон сначала лесом, а потом болотом, был незаметен и имел лишь один подход к себе, а именно – от училища. Если здание было заметным, и о нём знали даже жители соседних сёл, то о существовании лагеря знали лишь сами курсанты. Потом всё пришло в запустение. Уже позже само здание этой школы переоборудовали в ПТУ, а казармы лагеря оказались не у дел до поры, пока их не стали использовать люди с криминальным прошлым, и совсем не для мирных целей.

Утро, десять часов. В кабинете начальника лагеря шла обычная планёрка, когда в дверь негромко постучали.

– Войдите, – в кабинет развязной походкой вошёл молодой человек невысокого роста, худенький, коротко стриженный. Выражение лица вошедшего грубовато-нахальное, взгляд серых глаз жёсткий, колючий, точнее сказать – жестокий.

– А, Артист! Вернулся! – откинувшись на спинку кресла, начальник, тучный и уже не молодой мужчина с лысиной на макушке и маленькими глазками, поприветствовал вошедшего.

Сотрудники заведения, сидящие тут же за столом, человек пять, и все мужчины, поздоровались с Артистом за руку. Он обошёл их всех, прежде чем плюхнуться на стул рядом. Похоже, Артиста здесь хорошо знали, потому как рукопожатия были искренними.

– Рассказывай, с чем пожаловал? – всё своё внимание начальник нетерпеливо обратил к Артисту.

– С уловом, Николай Фёдорович, с уловом! Десять человек, – и Артист довольно посмотрел на присутствующих.

– Молодец! Кормилец ты наш! Сам никуда не вляпался, тебя там в международный розыск не объявили?

– Обижаете, товарищ начальник! Всё чисто, хотя я там у них, в миру, напакостничал достаточно. Пострадал я, товарищ директор, здоровье подорвал, трудясь на благо нашей общей задачи.

– Что так?

– Сашку, отыскать которого вы меня и послали, спрятался в одной деревенской церквушке и подружился с местным священником. На работу к ним в церковь даже устроился. Уходить ни в какую не хотел, плакал, просил оставить в покое. Они вдвоём со священником меня уговаривали. Но я, как вы знаете, уговорам не поддаюсь.

– И что же ты сделал?

– Пришлось батюшку убить.

– Ты что, в своём уме?! – начальник побагровел от злости. – Приведи ещё нам сюда полицию!

– Да не нервничайте вы так! Сказал же: всё путём! Я что, маленький? Сашка от страха как миленький за мной пошёл. Правда, нервы потрепал изрядно, ныл всё время. Одним словом, стало с ним опасно, тем более вы разрешили его кончать, если что не так.

– Распустился ты, Артист, смотрю! Того кончал, этого, – начальник с недовольным видом слушал рассказ.

– А что мне оставалось делать? Он же меня мог сдать.

– Короче!

– Короче, он, гад, увёртливым оказался. Еле я с ним справился! Ногой он меня так пнул, что селезёнку оторвал. Она у меня и так вся битая была. ... Сволочь!

- Что дальше то, не тяни! – голос начальника стал раздражительным.
- Кровотечение началось, я чуть было концы не отдал, хорошо – какая-то бабка «скорую» вызвала. Операцию сделали... Докторишка попался... Смех, да и только!
- У тебя как выход в свет, так целое кино, – вставил один из присутствующих.
- Такой уж я деятельный человек, – Артист довольно улыбался. – Вы дальше слушайте. Тот священник, которого я убил, отцом того доктеришки оказался, который мне операцию делал. Говорю же: анекдот, кому скажешь – не поверит. Получается, он мне жизнь спас, я его отца убил, – Артист самодовольно заржал, словно конь.
- Откуда такая уверенность?
- Вот, и вы не верите! Рассказывать – длинная история. Не буду...
- Ладно, не рассказывай, – начальник прервал парня. – Ты нам скажи, что с убежавшим?
- Говорю же, убил, – Артист соврал даже, не моргнув глазом.
- В действительности Саша, ударив его в живот, успел убежать.
- Ясно. Ты прямо киллер какой-то! Того убил, этого. Чтобы этого больше не повторилось! Ты на наше заведение тень не бросай! Понял? – голос директора стал строгим.
- Понял, чего не понять. Да вы вроде сами разрешили...
- Поговори мне ещё тут! – начальник зло сверкнул глазами на Артиста.
- Затем через пару секунд смягчившись, спросил:
- Говоришь, десять человек привёл? Каково возраста? Где они сейчас?
- Лишь одному семнадцать стукнуло, а другим ещё пока нет. Детдомовцы все. Сироты, или у кого родители в тюрьмах. Одним словом, никто их искать не будет. Ростом выше среднего. Всё как вы просили. Вчера я их привёл. Вас не было. Отъедаются доходяги. Я им сказал, что контрактников набирают, платят хорошо. Они и поверили, – Артист вновь презрительно захохотал.
- Не зря у тебя кличка – Артист. С любой ролью справляешься. Роман, ты как, с ними уже встречался? – начальник обратился к мужчине, который из всех присутствующих был единственным в хорошей физической форме.
- После планёрки пойду, – ответил тот.
- Хорошо. Принимай пополнение. Был вчера в центре, деньги выбивал. Вот, получите, – и он передал стопку конвертов, на которых были проставлены номера. Каждый из присутствующих знал свой номер. Раздав конверты, начальник продолжил.
- Сроки подготовки кадров сократили. На всё про всё вам пять месяцев. Качество пострадать не должно. Это касается тебя, Роман. Твой парень из ПТУ, на растяжку наступил, и ему ногу оторвало? Помнишь или забыл?
- Помню, – недовольно ответил Роман.
- Если опять товар попортишь – собственноручно пристрелю! Тогда смогли пацана припугнуть, и, к счастью, обошлось. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! Пока нас не трогают: значит, он молчит.
- Я, между прочим, Николай Фёдорович, предупреждал вас, – в разговор влез Артист, – что нечего с этими домашними птенчиками связываться. Одна морока с ними. Им есть куда вернуться, потому и Сашка сбежал.
- Помолчи уж, умник нашёлся! – начальник лагеря зло одёрнул Артиста.
- Если бы Роман так себя не вёл, и их можно было бы использовать. Но, – начальник лагеря пару секунд молчал, – здесь я с тобой, Артист, соглашусь. Им есть куда вернуться, потому такой ошибки больше не повторяем.
- Начальник оглядел всех присутствующих.
- Берём только детдомовских, желательно сирот. С ними действительно хлопот меньше, кто их искать будет? Возвращаться им некуда. Но всё равно, товар бережём. Тебя касается, Роман, второй раз поблажки не жди. Вам бешеные деньги платят, так будьте добры выпол-

нять все их требования. Ясно?! Один калечит, другой вообще убивает. Распустились, смотрю. Десять человек примешь, десять вернёшь в целостности и сохранности. Ясно? – директор смотрел на Романа.

– Ясно.

– Последний раз предупреждаю: малейшее подозрение на игнорирование моих приказов – пеняйте на себя, – начальник сурово посмотрел на Романа и на Артиста. – Махать кулаками ума не надо. ... И потом, Рома, проследи, чтобы хорошо ели. Не забывай: они в новых паспортах будут двадцатилетними числиться, так что пусть поправляются. Всё, идите работать.

Ребята, которых привёл Артист, и которых выгнала на улицу уборщица под предлогом, что ей надо помыть полы, стояли на спортивной площадке и, ёжась от холода, переминались с ноги на ногу. Кое-кто подпрыгивал. Начало декабря, которое стояло в календаре, отметило себя снегом и морозом. Ребята все перезнакомились и сейчас, дожидаясь, когда к ним кто-нибудь придёт, разговаривали в основном о бытовых условиях.

– Нажрался! Я сроду столько мяса не видел, не то чтобы есть, – парень по имени Степан смачно сплюнул на снег.

– Ага, – поддержал его Данил. – Как на убой кормят. И постель мягкая. Простыни и всё такое.

Долговязый Белохвостиков, самый старший в группе, которому уже исполнилось семнадцать, степенно вставил.

– Главное, чтобы всегда так было.

– Да, это самое главное. Классно было бы, – добавил кто-то из ребят.

За разговорами и не заметили, как к ним подошёл средних лет мужчина – то ли полный, то ли накачанный. Одет он был почти как лётчик в старых фильмах: чёрная кожаная дублёнка, шапка-ушанка, кожаные перчатки, только вместо сапог – ботинки. Ребята продолжали стоять, переминаясь с ноги на ногу, не зная, как реагировать на подошедшего. Первым, заговорил мужчина.

– Здравствуйте, ребятки! Замёрзли?

– Здравствуйте, – послышался неровный ответ ребят.

– Не очень, – кто-то даже ответил на вопрос, замёрзли ли.

– Ну, ничего, сейчас согреетесь. С сегодняшнего дня я ваш командир. Ко мне так и обращаться. А сейчас – за мной! – и мужчина быстрым шагом пошёл впереди.

Ребята за ним. Вошли в здание.

– Сейчас дружно идём к коменданту. Получаем тёплую одежду и лыжи, – командир время от времени оглядывался на ребят, комментируя свои действия.

Склад находился в конце коридора. Открыв дверь, попали в небольшую комнатку, где сильно пахло нафталином. У окна за столом сидел пожилой мужчина – комендант – и пил чай.

– Степаныч, – привет! Пришли за обмундированием.

– Лады. Сколько вас? – комендант тяжело поднялся с табурета и подошёл к стеллажам, на которых штабелями лежали трусы, майки, рубашки и другие небольшие предметы одежды. А чуть в стороне, на штангах, висели армейские бушлаты. Дальше рядами стояла обувь, и возле неё – лыжи.

– Нас десять человек, – за всех ответил командир, а затем, обращаясь к ребятам, добавил. – Выстройтесь в очередь. Подходите по одному, называете свой размер обуви и одежды. Меряете тут же, если как раз, получаете, расписываетесь и отходите. Ясно?

– Да.

Ребята были на седьмом небе от счастья. Во-первых, от того, что одежда была новая и реально тёплая, во-вторых, военные бушлаты были из тех, которые носят настоящие военные, что особенно пришлось пацанам по душе. Пока ребята одевались, командир успел попить чайку, всякий раз вздыхая при виде худых тел пацанов.

Комендант Степаныч, на вид спокойный, старый человек, был на самом деле жестоким, безжалостным садистом, бесконечно преданным начальнику лагеря. Ни что не могло остановить Степаныча, если был приказ хозяина. В лагере его боялись все, не исключая и командира, который был с ним предельно вежлив. Обмундирование и лыжи отнесли в комнату перед спальней, где у каждого уже был пенал под своим номером. Разобравшись с одеждой, прошли в учебный класс.

– Рассаживайтесь, ребята, – доброжелательный голос командир снимал напряжение и располагал к общению.

– Я буду заниматься с вами физической подготовкой, учить стрелять и обучать прочим военным хитростям. Хотите быть сильными, как спецназовцы?

– Да! – послышался неровный хор ребят.

– Ну, вот и хорошо. Хочу предупредить: нагрузки будут серьезными, потому кушайте хорошо. Не капризничайте!

Все засмеялись – то ли в ответ на веселый тон командира, то ли от того, что слово "капризничать" в их голодном, жестоком мире было сродни забавному анекдоту.

– Перейдем к делу, – командир не стал ждать, когда веселое перешептывание закончится. – Я вам сейчас раздам договора: читайте, если вас всё устраивает, – подписывайте. В двух словах объясняю, что это за договор. Вы, ребята, принимаетесь на контрактную службу. Само собой разумеется, будете служить за деньги. Пока идет обучение, вам причитается по две тысячи в неделю.

– Ого! – послышались радостные возгласы.

– Да, дорогие, я не шучу, у нас всё по-честному. Заниматься в этом лагере вы будете пять месяцев, дальше поступаете на службу, куда вас призовут. Там вы уже будете зарабатывать до ста тысяч в месяц.

Радостное удивление на лицах ребят при слове «сто тысяч» сменилось безудержными возгласами радости.

– Вот это да!

– Тачку себе куплю, – ребята искренне радовались словам командира.

Подождав минуту, пока ребята поделятся друг с другом радостными впечатлениями, командир продолжил.

– Чтобы вы поверили моим словам, вот вам аванс, – он достал бумажник и раздал каждому по две тысячи рублей.

Ребята, не веря своим глазам, тщательно рассматривали купюры, а командир тем временем раздавал договора.

– Читайте и подписывайте.

Разумеется, читать никто не стал: увидев деньги, все дружно подписали. Когда договора были собраны, командир вновь продолжил.

– Хочу вас предупредить, что в течение пяти месяцев вы не должны отлучаться за пределы учебной части и обязаны строго выполнять все мои задания. За любое нарушение распорядка службы последует жестокое наказание, – увидев испуганные глаза ребят, командир более мягким тоном пояснил. – Вы – засекреченные контрактники, в какой-то мере – разведчики, перед вами стоит очень важное и нужное для страны задание, потому такая секретность и строгость. Кто не согласен? Скажите прямо сейчас, и мы вас отпустим, но позже будет нельзя.

Командир демонстративно замолчал, давая ребятам возможность подумать. Но никто из ребят не изъявил желания уйти, – полученные ими ни за что две тысячи и обещанные в будущем большие деньги сыграли свою роль, и все дружно замотали головами в знак согласия выполнять все требования.

– Если вы согласны, сдайте, пожалуйста, свои телефоны. После окончания службы в этом лагере вы получите их назад в целости и сохранности.

Ребята послушно подчинились приказу командира, который хитростью – в виде ласковых слов, доброжелательной улыбки, спокойного голоса – уже успел искусно выстроить мост доверия между собой и ребятами. После того, как телефоны были собраны, командир продолжил:

– Следующие три дня будут лекционными. Узнаете, так сказать, обстановку в стране. А то вам в школах всякую херню на уши вешают! А здесь вы узнаете правду, что ни на есть настоящую. Слушайте внимательно, старайтесь понять, что хочет донести до вас лектор. На лекции я присутствовать не буду. Эти три дня будем встречаться в столовой.

Глава 7

Не успел командир закончить, как в дверь постучали, и вошёл высокий, хорошо одетый мужчина. Белая рубашка, галстук, аккуратная стрижка – всё говорило, что этот человек далёк от военной службы. Ребята дружно встали – ещё сильна была школьная привычка.

– Здравствуйте, ребята, – мужчина доброжелательно поздоровался и помахал рукой, давая понять, что можно садиться. – Сегодня мы будем говорить с вами о равенстве. Узнаем, все ли люди равны в нашей стране.

В классе послышался смехок.

– Я догадываюсь, что слово «равенство» вызвало у вас смех. Так вот, если не все люди равны в нашем обществе, то почему?

– Ясное дело, – хмыкнул Белохвостиков.

– В том-то и вопрос, что дело не ясное. Если нет равенства, то это неправильно. И сегодня мы как раз поговорим о том, почему нет равенства, по какой такой причине.

Учитель подошёл к телевизору, который висел на стене и, вставив флэшку, включил его. На экране стали появляться великолепные леса, заповедники, озёра, моря. В них плескалось полным-полно рыбы. Множество буровых вышек качали нефть.

Пару минут лектор молчал: казалось, он вместе с ребятами заморожен красотами природы, показанными на экране. Вскоре, однако, он заговорил.

– Ребята, это всё наша с вами Родина. Вам даже невдомёк, что все эти богатства – нефть, моря, рыба в них, леса – принадлежат вам, всем нам

Ребята недоумённо посмотрели на лектора. Тот, поймав их взгляды, добавил:

– Все эти богатства создал Бог. Не какой-то один человек или народ, а Бог, и для всех нас. Но я буду прав, если скажу, что вы впервые слышите об этом, и что даже миллионная часть этих богатств не принадлежит вам.

– Всё принадлежит богатым, это ясно как день, – сумничал Белохвостиков.

– В нашей стране – да, – учитель улыбнулся парню. – Но есть страны, и таких немало, где с рождением ребёнка на его имя государство открывает счёт и кладёт на него достаточно большие деньги. Да, да, вы не ослышались. Рождается человек – и сразу же получает от государства большие, очень большие деньги. И никто, кроме него самого, этими деньгами не может воспользоваться. Никто, даже родители. Когда ребёнок вырастет, ему исполнится шестнадцать лет, тогда он может по своему усмотрению потратить эти деньги. К слову сказать, этих денег ему хватит и на то, чтобы купить квартиру, машину, выучиться, и так далее. Такое стало возможным по причине равенства людей в этих странах. Деньги, которые приносят земные богатства этих стран, делятся поровну на всех, потому как богатства созданы Богом, а, значит, принадлежат всем.

На экране тем временем продолжали мелькать красивейшие места Владивостока, Сочи, луга Алтая, поражающие своим разноцветьем, леса Сибири, богатые пушным зверем, вершины гор, освящённые багровым закатом.

– Но в нашей стране, – продолжал лектор, – справедливости нет, и оттого вы никогда, никогда не сможете даже просто посетить эти прекрасные места. У вас нет денег! Вас ограбили, обворовали. Посмотрите, как живут эти воры.

На экране стали появляться замки и дворцы олигархов, их роскошные яхты, машины, самолёты.

– Почему у них всё есть? Потому что они присвоили себе общее, – лектор говорил страстно, с некоторым пафосом. – Полюбуйтесь на их методы присваивания себе общего достоинства.

На экране появились старенькие деревеньки – без дорог, без больниц и школ.

– На нашу деревню похоже: ни больницы, ни клуба не было, – выкрикивали ребята один за другим.

– У нас школы не было. В соседнюю деревню ходили. Четыре километра от нас. ... Зимой очень тяжело.

Затем на экране замелькали представительные мужчины на крутых машинах. Они улыбались, страдали жителям и раздавали обещания, что помогут построить дороги, больницы, школы.

– Обратите внимание на деревенских жителей, – сказал лектор, указывая на лица, стариков, молодых женщин и мужчин.

Шли года, в деревнях ничего не менялось, зато рядом с деревенькой выросли коттеджные посёлки из замков, окружённые высоким забором. Постепенно – шаг за шагом, дом за домом – деревенька отступала, уменьшаясь, и в конце концов её не оставалось вовсе.

– Вы спросите, куда делись люди из этих деревень? – лектор вновь стал комментировать происходящее на экране. – Кто куда, в основном в бараки или в другое аварийное жильё, или в психиатрическую больницу, или в дом престарелых.

На экране опять появились знакомые теперь уже лица деревенских. Вот бабка лежит на больничной койке, рядом с которой бегают, кричат сумасшедшие. Вот спившийся мужчина собирает бутылки в городе, в нём с трудом можно было узнать бывшего тракториста. Молодая деревенская женщина стала проституткой. Зрелище было весьма печальное. Кадры, которые мелькали на экране, были сфабрикованы, монтаж был явным, но фильм затрагивал больную для всех присутствующих тему, что отвлекало от всего остального.

– Как видите, вместо обещанной помощи им заменили жильё – в широком ассортименте... Но пора положить всему этому конец, – голос лектора перешёл на крик, – надо прекратить это вопиющее безобразие, надо отобрать у богатых всё, что не принадлежит им по праву! Надо уметь защитить себя! Никто на блюдечке с голубой каёмочкой вам не принесёт то, что принадлежит вам по праву. Забрать его – ваша собственная задача.

Напористость лектора, выражаемая голосом и правильными словами, действовала на психику ребят по-особому. Она будоражила их, вселяла смелость, желание действовать.

Лектор ещё долго, с большим энтузиазмом, яростно возмущался несправедливым положением дел. Более двух часов он рассказывал о чиновниках, об олигархах, которые безжалостно и нагло обворовывают людей. С небольшим перерывом на обед лекция длилась весь день до ужина.

Коля сидел за одной партой с Сергеем Дербенёвым. Как-то так получилось, что их койки в казарме оказались рядом. С этого времени они держались вместе, вернее сказать, Сергей больше искал дружбы с Колей, чем наоборот. Оно и понятно. Худой Сергей был слаб физически, и у него, похоже, было больное сердце. Он с удовольствием ушёл из детдома с Артистом по одной простой причине – заработать денег, которые тот обещал. Деньги Сергею нужны были на лечение матери: она была больна – что-то с ногами – и совсем не ходила. Отец от них ушёл, как только мама заболела. Сердобольный деревенский врач устроил мать в Дом престарелых, а Сергея с братиком определил в интернат. Парень несколько раз сбегал из интерната, навещал мать, и всякий раз с болью в сердце давал себе клятву найти деньги на лечение. Коля, хоть и был меньше Сергея ростом, но зато здоровее телом в несколько раз. Инстинктивно Сергей чувствовал, что Коля будет хорошим другом. Поговорить, узнать друг о друге больше пока не представлялось возможным.

Когда лекция закончилась, и лектор ушёл, ребята ещё долго приходили в себя от услышанного. Хотя и были уставшими, но заснули не сразу. Под спальню в казарме отводилась специальная комната, метров двадцать, где в два ряда стояли железные кровати. Каждый из ребят ещё в первый день выбрал себе место. В глубине комнаты – самые шустрые. Кровати Коли с Сергеем стояли первыми, почти у двери.

– Вот, оказывается, в какой стране мы живём! Сволочи, всю страну разграбили. Уничтожать их надо, – Белохвостиков лежал на своей кровати с открытыми глазами и громко комментировал увиденное.

Этот долговязый юноша – с редкими прыщами на щеках, с кривым носом, сломанным в драке, и глазами-пуговками – был круглым сиротой. В детдоме он жил все свои семнадцать лет.

Его возмущение не оставило равнодушным никого.

– Правильно. Уничтожать их надо! – поддержал Белохвостикова красивый крепкий парень Степан Коновалов и тут же продолжил. – У меня отец хотел фермером стать. Пришёл в колхоз землю просить. Так шиш, ему дали! Отказали, гады. Говорят, кишка тонка. Видите ли, образования нет, выпивает. Да мой отец мастер был на все руки! Он что хочешь мог смастерить. Этот председатель у меня ещё попляшет.

– Я, к примеру, круглый сирота. А как же ты в детдоме оказался, если у тебя родители нормальные? – с усмешкой спросил Белохвостиков, надеясь изобличить парня во лжи.

– Да, ясное дело, врёт! Нет у него родителей, – выкрикнул кто-то.

– Ничего я не вру. У меня хорошие родители были. Батя лишь когда в колхозе отказали с катушек сошёл. А что ему оставалось делать, как не водку жрать, – работы-то в деревне нет, – Степан говорил со злостью, с ненавистью. И было понятно, что вся эта ненависть была направлена на председателя. – Отец по пьяни мать приревновал и убил. Нас с сестрёнкой в детдом и отправили, – эти слова он добавил уже тихо, но все услышали.

На дальней от разговаривающих койке сидел Виктор Марченко. У него было простое русское лицо, на котором особо выделялись добрые глаза, по-детски доверчиво смотрящие на всех и на всё. Ему тоже захотелось поддержать разговор, потому он быстро добавил.

– У нас председатель хороший, а толку? Всё равно работы в деревне нет. Нас тоже хотели по детдома разбросать, но соседи помогли. Всем селом за нас встали. У меня ведь мамка от рака умерла. Отец сбежал. Я в семье старший, остальные мал-мала меньше. Всего пятеро. Как они там без меня? Я сюда пришёл за деньгами. Детей поднимать надо. В деревне таких денег, которые командир обещал, ни в жизнь не заработать.

– Верно! Это из-за них, сволочей, мы так живём, – подхватили ребята, и каждый, перебывая друг друга, стал рассказывать свою историю нищенской жизни.

Коля и Сергей тоже перешёптывались.

– Что правда, что ли?

– Ты о чём?

– Ну то что, когда рождаешься, государство деньги даёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.